

К. Е. Скурат,
профессор Московской Духовной Академии,
доктор Церковной истории

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин – отец Востока и Запада

Окончание. Начало в № 1 (7), 2 (8) и 3 (9) за 1998 г.

III. БОГОСЛОВИЕ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

4. МОЛИТВА (ПО ТВОРЕНИЯМ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА)

Совершенство сердца состоит в непрерывном постоянстве молитвы.

Из учения аввы Исаака
в изложении преподобного Кассиана. — 323.

В самом начале девятого «Собеседования», посвященного учению о молитве, преподобный Кассиан заявляет, что теперь он намерен, с Божией помощью, исполнить то обещание, которое дано было им еще во второй книге («О ночных молитвах и псалмопении». Глава 9) «Постановлений киновитян» — «сказать о непрестанной молитве» (323).

Преподобный Кассиан, прежде всего, говорит об условиях «горячей» — правильной молитвы, а затем о ее видах и «действенном проникновении к Богу». В этом его изложении подчеркивается необходимость выработки «непрерывного постоянства» молитвы.

Молитва должна быть чистой, задушевной, или искренней, и горячей. Для сего должно отложить всякое земное попечение, убежать от всех развлечений, пустословий или многословий, от шуток, «а более всего надобно исторгнуть с корнем расположение к гневу или уны-

нию и вовсе истребить пагубное разжение плотской похоти и любостяжания» (324). Прежде чем начать молитву, должно привести себя в такое состояние, в каком мы хотим быть во время молитвы. «Ибо дух наш во время своей молитвы необходимо получает настроение от предшествующего состояния и, молясь, возносится к небесному или погружается в земное теми же помыслами, какими занимался пред молитвою» (365).

Во время самой молитвы не надо стараться извлекать слезы, если они не текут сами собой. Искусственное исторжение плача приземляет молящегося, погружает вниз, низводит с небесной высоты, «на которой изумительный дух молящегося неуклонно должен быть утвержден» (343). Авва Антоний о стоянии на молитве говорил: «Не совершенна та молитва, в которой монах сознает себя или то самое, что молится». Преподобный Кассиан называет это мнение аввы «небесным», подчеркивая этим самым необходимость устремления молящегося к Небу всем своим существом (343–344).

Представить все виды молитвы невозможно без «чистоты сокрушенного сердца и просвещения Святого Духа». Их столько, сколько и состояний души. По мере преуспеяния в чистоте меняется и вид молитвы. Иначе молятся в веселии и иначе в печали, иначе — в безопасности и иначе — в спокойствии, иначе — при мысли о Страшном Суде и иначе — при желании и надежде на будущие вечные блага... (329–330).

Но при всех обстоятельствах подвижник однозначно должен вырабатывать «непрерывное постоянство» мо-

литвы, ибо в этом путь к совершенству сердца. «Как все добродетели стремятся к совершенству молитвы, так и сами они не могут быть твердыми и постоянными, если не будут соединены и скреплены оною. Как без добродетелей нельзя вполне приобрести постоянного молитвенного покоя, так и без этого покоя невозможно в точности исполнить добродетелей, споспешествующих оному» (323–324). На этом пути «непрерывного постоянства» большое значение имеет та молитва, с которой обращался к Богу псалмопевец Давид: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися* (Пс. 69,2). (См. о сем и выше: в изложении содержания девятого и десятого «Собеседований»). Эта молитва, исполненная горячей любви и расположения, не допускает в унынии до отчаяния в средствах спасения, а в веселии — до превозношения, утверждает в благодати смирения и простоты, сохраняет полноту духовных чувств, ограждает сонмом Ангелов, служит непреодолимой стеной для всех страстей и действий злых духов. Она полезна и необходима «во всяком состоянии». «Итак, молитва этого стишка с неослабным постоянством должна быть изливаема, чтобы избавиться от несчастий, а в счастье сохраниться от превозношения. Размышление об этом стишке, говорю, постоянно должно обращаться в твоей груди. Во всяком деле, или служении, или в пути не переставай воспевать его и размышлять о нем и во время сна, и во время обеда, и в последних потребностях природы. Это размышление сердца, сделавшись для тебя как бы спасительным образом, не только сохранит тебя невредимым от всякого нападения демонов, но и, освободив от всех пороков земной нечистоты, приведет тебя к невидимому, небесному созерцанию и сообщит неизреченную и немногими испытанную горячность молитвы. Засыпай с размышлением об этом стишке, пока чрез постоянное упражнение в этом привыкнешь воспевать его даже и во сне. По пробуждении пусть он первый встречается тебе; во время бодрствования пусть он предваряет все помышления: когда встаешь с постели, пусть он заставляет тебя преклонить колена, отсюда пусть ведет тебя на всякую работу и дело, пусть он сопровождает тебя во всякое время; ты будешь размышлять о нем по заповеди законодателя (Втор. 6), сидя в доме, ходя по пути, засыпая и пробуждаясь; напишешь его на пороге и дверях твоих; и поместишь его на стенах твоего дома и во внутренних покоях твоей груди, так чтобы у тебя было это возвышенное пение, когда кланяешься на молитве, когда поднимаешься и когда приступаешь ко всякому необходимому употреблению жизни, пусть будет эта готовая и постоянная молитва» (356–361).

Существует четыре вида, или рода, молитв, указанных святым апостолом Павлом: молитвы, моления, прошения и благодарения: *Молю убо прежде всех тво-*

ἉΓΙΟΝ ἸΩΑΝΝΗΝ ΚΑΣΣΙ
ἌΝΤΙ ΡΩΜΑΝΟΥ

рители молитвы, моления, прошения, благодарения (1 Тим. 2,1). Молитва — это «умилостивление за грехи», посредством которого испрашивается прощение за сегодняшние или прежние беззакония. Моление есть «просто обет» Богу в чем-либо. «Если принесешь моление (обетное) Богу, — учит преподобный, — не умедли исполнить его». Прощение — это молитва за других или «о мире всего мира». Благодарение — выражение чувств «в неизглаголанном восторге» за Божии благодеяния. Все упомянутые четыре вида молитв необходимы и полезны всякому человеку. Но по причине различного душевного состояния первый вид более приличен начинающим, которые еще уязвляются «воспоминанием своих пороков». Второй — тем, которые, преуспевая в добродетелях, поднялись на ступень духовного совершенства. Третий — тем, которые «по любви и снисхождению» хо-

датайствуют за других. Наконец, четвертый вид свойствен тем, которые исторгли из своих сердец терния пороков и «чистым умом созерцают милости и щедроты Господни» (330–333).

Господь наш Иисус Христос Своим примером освятил эти четыре вида молитв. Он приносил молитву, когда говорил: *Отче, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия* (Мф. 26,39). Моление выразил в таких словах: *Аз прославих Тя на земли, дело соверших, еже дал еси Мне, да сотворю* (Ин. 17,4). Прошение — в обращении к Богу Отцу: *Отче, отпусти им: не ведят бо, что творят* (Лк. 23,34). Благодарение — в словах: *Отче, хвалу Тебе воздаю, яко услышал Мя еси: Аз же ведех, яко всегда Мя послушаеши* (Ин. 11,42). Примеры эти показывают, что каждый вид молитвы можно творить отдельно. «Впрочем, в совершенной молитве они могут и соединяться, чему также научает пример Господа нашего, представленный в той пространной молитве, которую читаем в Евангелии Иоанна (гл. 17)» (334).

Краткое изображение состояния молитвенника на возвышенной и совершеннейшей ступени, когда он, объятый пламенной любовью к Богу, беседует с Ним, как сын с Отцом, дает преподобный Кассиан в изъяснении содержания молитвы Господней.

Обращение «Отче наш, Иже еси на небесех» показывает, что молитвенник исповедует свой переход из состояния рабства в состояние сыновства; отрывается от земной жизни, уводящей далеко от Бога, и стремится в Небесную Обитель Отца; свидетельствует, что не позволит себе ничего такого, что сделало бы его недостойным «высокого всыновления» (335).

Достижение высокой степени сынов Божиих тотчас обнаруживается в свойственной добрым детям любви, которая понуждает их искать славы Отца, а не своей пользы. Потому-то во втором прошении и говорится: «Да святится имя Твое». В этом прошении мы как бы следующее говорим: «Отче, сделай нас такими, чтобы мы могли разуметь величие Твоей святости, или удостоиться приятия оной, или, лучше, да открывается святость Твоя в духовной жизни нашей». А это исполняется только тогда, когда люди *видят добрая дела наша, и прославляют Отца нашего, Иже есть на небесех* (Мф. 5,16) (335–336).

Вторым прошением чистый ум умоляет: «Да приидет царствие Твое», пусть скорее придет «царствование Христа во святых», да прекратится власть злой силы и да истребятся смрадные пороки, пусть владевают благоуханные добродетели, наипаче — спокойствие и смирение. Есть здесь и просьба о Вечном Царстве, которое обещано сынам Божиим (336).

Устремленные к царству Божию взоры взывают в третьем прошении: «Да будет воля Твоя, яко на небеси

и на земли». Слова эти значат: «Да будут люди подобны Ангелам, и как они исполняют волю Божию на небе, так и все живущие на земле да творят не свою, а Его волю». Можно понимать их еще и так: «Отче! Через познание Тебя да спасутся все живущие на земле, подобно тем, которые пребывают уже на небе». Прошение сие произносится с полным чувством лишь те, которые веруют, что Бог все «устраивает к нашей пользе» (337).

Словами четвертого прошения: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» испрашивается тот «превосходящий все твари высокою своею святостью» «Хлеб», без которого невозможно «ни одного дня продолжать духовной жизни». Кто не принимает его сегодня — «днесь», «тот не возможет причаститься его и в будущей жизни» (337–338).

Пятое прошение: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим» — обязывает быть милостивыми к ближним, если есть желание быть и самим помилованными. Нам отпустится столько, «сколько мы отпустим тем, кои причинили нам какой-либо вред своею злостью». *Суд без милости не оказавшему милости* (Иак. 2,13) (338–339).

Наконец, последние два прошения (шестое и седьмое): «И не введи нас во искушение Но избави нас от лукаваго» — означают не «не попусти нам когда-либо искуситься», а «не допусти нам быть побежденными в искушении», не допусти «искуситься от диавола сверх нашей силы, но *сотвори со искушением и избытие, яко возмощи нам понести* (1 Кор. 10,13)» (339).

Молитва Господня своим содержанием обнимает все необходимое для духовной — совершеннейшей — жизни. Потому преподобный Кассиан свои благодатные размышления о ней завершает так: «Видите, какой образ молитвы предложен нам от самого Судии, Коего мы должны умолять оною. Здесь нет прошения и даже воспоминания ни о богатстве, ни о почестях, ни о власти и силе, ни о телесном здравии или временной жизни. Творец вечности не хочет, чтобы мы просили у Него чего-нибудь суетного, маловажного и временного. Итак, тот нанесет величайшее оскорбление Его величеству и благодати, кто, презрев сии вечно благие прошения, захочет умолять Его о чем-либо скоропреходящем и тленном; такой человек маловажностью прошений скорее навлечет на себя негодование Судии своего, нежели привлечет Его благоволение» (339–40).

Если так молиться, как научил Господь наш Иисус Христос, то молитва будет услышана. *Вот какое дерзновение мы имеем к Нему*, — пишет святой апостол Иоанн Богослов в одном из своих Соборных посланий, — *что, когда просим чего по воле Его, Он слушает нас* (1 Ин. 5,14). И это потому, рассуждает преподобный Кассиан, «что иногда просим противного нашему спасе-

нию, и потому Бог, правильное, истиннее нас знающий нашу пользу, справедливо отказывает нам в том, чего просим» (347). Преподобный указывает ряд причин, (обуславливающих услышание Богом молитв. На одно из первых мест ставится им крепкая вера в милосердие Божие и надежда на исполнение просимого. Сомнение недопустимо. «Настолько молящийся устаивается быть услышанным и получить, насколько будет верить, что Бог на него взирает или может исполнить просимое» (344). К действенности молитвы также служат: согласие двоих или троих просить о каком-либо деле (Мф. 18,19); неослабное, неотступное, частое повторение молитв (Лк. 11,8) (к сему Преподобный «неослабно» возвращается, призывая молиться часто, хотя и кратко, «чтобы при нашем протяжении враг наветник не мог всевать что-нибудь в наше сердце». — 348–349); сопровождение молитвы делами милосердия и, вообще, исправление жизни (Сирах. 29,15; Ис. 58,9). Иногда спешествуют услышанию молитвы и «чрезмерные несчастья» (344–345). «Итак, видите, — завершает преподобный Кассиан свои размышления о причинах услышания молитвы, — сколькими способами снискивается благодать услышания, так что никто для испрошения спасительных и вечных благ не должен предаваться отчаянию от сознания своей греховности. Ибо смотря на свое убожество, положим, что мы вовсе не имеем всех вышеупомянутых добродетелей, ... но неужели не можем иметь и неотступности, которая всякому желающему удобна? Ради ее одной Господь обещал дать все, что будет просимо. Потому без колебания неверием надобно быть настоящим в молитвах и не надобно сомневаться, что постоянством их получим все, что будем просить у Бога» (345). Словами наставлений о непрестанности и неотступности молитвы преподобный Иоанн Кассиан начинает свое учение о молитве и ими же заканчивает.

5. ПРЕПОДОБНЫЙ ИОАНН КАССИАН РИМЛЯНИН О ДУХОВНОЙ РАССУДИТЕЛЬНОСТИ И ДУХОВНОМ ЗНАНИИ

*Не безумно ли думать, что не требует
учителя труднейшая из всех наук, наука
духовная?*

Из наставлений аввы Серапиона
в изложении преподобного Кассиана — 196.

Раскрытию тем о духовной рассудительности и духовном знании преподобный Иоанн Кассиан посвящает два «Собеседования Египетских подвижников» — второе (аввы Моисея) и четырнадцатое (аввы Нестероя). Хотя они отделены в последовательном порядке другими «Собеседованиями», но по своему содержанию, характеру весьма близки.

Говоря о духовной рассудительности (или даре размышления), преподобный Кассиан хочет выяснить ее «превосходство, высоту и пользу» (187, 188). Она есть «величайший дар Божественной благодати». Приобрести ее одним человеческим тщанием невозможно (189). Это как бы некий укрепленный, главный город «между другими добродетелями» (187). И более того: «она есть мать, хранительница и управительница всех добродетелей» (191).

Так высоко ставил дар рассудительности, по сообщению преподобного Кассиана, святой Антоний Великий. Однажды к этому блаженному подвижнику пришли в пределы Фиваиды старцы для рассуждения о совершенстве. Собеседование продолжалось с вечера до утра. Каждый излагал свое мнение. Одни говорили, что самая большая добродетель, которая удобнее может приблизить к Богу, ведет прямым путем на верх совершенства, — это усердие к посту и бдению; другие видели ее в нестяжательности; иные полагали ее в отшельничестве; некоторые — в исполнении обязанностей любви, или человеколюбия... Выслушав всех, преподобный Антоний сказал: «Все это, о чем вы говорите, нужно и полезно ищущим Бога и желающим прийти к Нему. Но всем этим добродетелям отдать первенство не позволяют бесчисленные опыты и падения многих. Ибо некоторые часто жестоко сокрушали себя постом и бдением, пребывали в пустынном уединении, доходили до такой нестяжательности, что не оставляли себе и на один день пищи, и до того исполняли долг милостыни, что не оставалось у них имущества для подаяния. Но после всего этого они жалким образом уклонились от добродетели и впали в порок. Что же было причиною их прельщения и падения? По моему мнению, не иное что, как недостаток в них рассудительности» (189–190).

Сущность рассудительности усматривается в исследовании всех мыслей и дел человека, в отлучении и отстранении всякого зла и неугодного Богу дела, в удалении от всякого обольщения. Она учит избирать в подвиге золотую середину — идти срединным путем, удаляться крайностей с одной и другой стороны — не обольщаться чрезмерным воздержанием и не поддаваться расслаблению, нерадению. В святом Евангелии дар различения называется «глазом и светильником души». Господь говорит: *Светильник для тела есть око. Если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло. Если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно* (Мф. 6, 22–23) (190). Духовная рассудительность — это «крепкая пища», свойственная тем, «которые навыком приучили чувства к различению добра и зла» (191). Очевидно, что дар рассудительности, или мудрости, есть духовная опытность, способная предусмотреть возможные последствия от тех или иных на-

мерений; есть своего рода опытный облагодатствованный хозяин, с умением пользующийся необходимыми средствами и материалом для созидания нашего «внутреннего дома» (191).

Так как духовная рассудительность имеет большое значение, и так как недостаток ее ведет подвижника к прельщениям и падениям, то ее необходимо приобретать. Хотя она и является даром Божиим, но и со стороны спасающегося требуется усилие и тщание к его получению. Приобретается истинная рассудительность истинным смирением, «коего первым оказательством» есть исповедание старцам не только всех своих дел, но и мыслей, а вслед за этим — полное подчинение их советам (194). Впрочем, преподобный Кассиан оговаривает, что авва Моисей не рекомендует открывать свои помыслы «кому бы ни случилось», а лишь духовным старцам, не седирами убеленным, а имеющим рассудительность. «Ибо многие, смотря на старость лет и открывая свои помыслы, вместо исцеления по неопытности духовников впали в отчаяние» (196). «Итак, — призывает преподобный Кассиан, — всюю силою и со всем тщанием мы должны стараться смирением приобрести себе благий дар рассудительности, которая может сохранить нас неврежденными от чрезмерности с обеих сторон. Ибо, как говорят отцы, крайности с той и с другой стороны равно вредны» (199).

Примеры человеческих «искусств и наук» показывают, что даже там, где мы видим, слышим и осязаем, необходим для нашего преуспевания учитель. Тем более он необходим в труднейшей из всех наук — в духовной науке, невидимой, сокровенной, созерцаемой лишь чистотой сердца. А знать ее нужно, ибо незнание духовной науки наносит не временный удар, а вечную гибель душе, вечную смерть. Духовная наука «ведет днем и ночью брань не против видимых, но невидимых и свирепых врагов, не против одного или двоих, но против бесчисленного полчища, от которого падение тем губительнее, чем злее враги и скрытнее нападение» (196). Эти мысли служат как бы связующим звеном между духовной рассудительностью и духовным знанием.

Если в наставлениях преподобного Кассиана о рассудительности на первое место ставится действие Божие, благодать Божия, то в размышлениях о духовном знании на первое место выдвигается активность человека, хотя, разумеется, при всех обстоятельствах не исключается благодатная помощь.

Знание бывает двоякое: 1) практическое, направленное к исправлению нравов, к очищению от пороков, и 2) теоретическое, состоящее в созерцании «Божественных предметов» и в познании «сокровеннейших истин» (420). Такой порядок в знании не случаен у преподобного Кассиана. Преподобный считает, что прежде

всего с прилежанием надо приобрести деятельное знание. Без него невозможно приобрести знание созерцательное. *Напрасно стремится к созерцанию Бога тот, кто не уклоняется нечистоты пороков. Ибо Дух Божий удалится от лукавства и не будет обитать в теле, порабощенном греху* (Прем. 1, 4–5) (420–421).

Само деятельное знание проявляется двояким образом: а) в познании свойств пороков для уврачевания от них и полного изгнания; б) в приобретении добродетелей — в «наблюдении порядка добродетелей», чтобы «дух наш усовершенсался в них» (421). В связи с этим оно многогранно «простирается на многие знания и занятия» (425). Одни видят деятельную жизнь в стяжании чистоты сердца в пустынном безмолвии, другие — в странноприимстве, иные — в попечении о больных, бедных, угнетенных... Отличиться во всех добродетелях одному человеку невозможно. Если бы он пожелал всех их вместе приобрести, то непременно впал бы в то, «что когда погонится за всеми, никакой вполне не достигнет, и от этой перемены и разнообразия больше потеряет, нежели преуспеет». Потому-то преподобный Кассиан дает четкое указание идущему к Богу: «Всякий должен с неуклонным вниманием к своему течению совершать тот путь, который однажды избрал, чтобы быть совершенным в каком-либо звании» (422–423).

Теоретическое или созерцательное знание обнаруживается в историческом (буквальном) толковании Священного Писания и в таинственном (духовном) разумеании его (425). Преподобный Кассиан предупреждает, что надо быть скорым на слышание, но медленным на слова. «Ибо иное иметь развязность на словах, а другое — проникать в сущность небесных глаголов и чистым оком созерцать глубокие и сокровенные тайны» (428, 429).

Для достижения «истинного знания Священного Писания» необходимо приобрести самое главное — «непоколебимое смирение сердца, которое усовершением в любви приведет тебя не к тому знанию, которое надмевает, а к тому, которое просвещает» (429). Неразрывно с этим приобретением соединено постоянное чтение Священного Писания, размышление над ним и прилежное заучивание его на память» (430).

Уразумев «тайны Божественного Писания», подобает сообщать их другим — «тем, которые в раскаянии о прежних делах угнетаются печалью и скорбью» (438). Сообщение это должно быть умеренным, мало-помалу, ибо сердцем действительнее воспринимается то, что «без чрезмерного утомления тела внушается ему» (439).

Бесплодным духовное учение бывает по двум причинам: или учащий «сам не испытал» того, что предлагает, или слушатель подвержен порокам. В первом случае слова будут пустым звуком, во втором ожесточенное

сердце не воспримет «спасительного, святого учения духовного мужа» (439).

«Итак, — утверждает преподобный Кассиан, — когда по этому учению, этим порядком будешь достигать духовного знания, то, без сомнения, будешь иметь, как мы сказали, не бесплодное, не бездейственное, но живое и плодоносное учение» (437).

Не преминул Преподобный отметить и то, что и злые люди достигают красоты речи, искусства состязания, но «в сущность Священного Писания, в сокровенный духовный смысл проникать не могут» (435). Духовное, истинное знание — это знание особое. От учености мирской, «которая осквернена нечистотою плотских пороков», оно настолько отличается, что «иногда удивительно процветало даже в некоторых незнающих языков и почти неграмотных» (436).

Достигнув, с Божией помощью, возможных для человека духовной рассудительности и духовного знания, и стараясь донести сие и до других, надо и в этом состоянии быть на страже. Поэтому преподобный Кассиан свои рассуждения заканчивает призывом, который так же назидателен, как и все другие его наставления. «Итак, — зовет он, — со всей осторожностью, сколько можешь, не увлекайся любовью к суетной славе, чтобы ты мог быть участником того, кого восхваляет пророк, кто *серебра своего не отдает в рост* (Пс. 14,5). Ибо всякий, кто слова Божии, о которых говорится: *слова Господни — слова чистые, серебро очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное* (Пс. 11,7), — преподает по любви к людской похвале, серебро свое отдает в рост, за эту похвалу не только не заслужит никакой награды, но еще подвергнется наказанию. Ибо он для того хотел расточать серебро Господне, чтобы от этого получить себе временную награду, а не для того, чтобы *Господь*, как написано (Лк. 19,23), *пришедши получил Свое с прибылью* (438).

Этим призывом Преподобного можно завершить и данное обозрение.

6. ХРИСТИАНСКОЕ ДРУЖЕСТВО В ПОНИМАНИИ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

Полное и совершенное дружество может пребывать только между совершенными мужами и одинаковой добродетели.

Из ответа аввы Иосифа иноку Герману — другу преподобного Кассиана. — 450.

Теме «О дружестве» преподобный Иоанн Кассиан отводит лишь одно «Собеседование» аввы Иосифа (в порядке «Собеседований Египетских подвижников» — под номером шестнадцатым). По объему оно

небольшое (всего 19 полных страниц — 448–467), но по содержанию многозначительно.

В человечестве существует множество различных родов дружбы, как различны и сами люди. Есть дружба по родству («на законе кровности»), по общности занятий, профессии, должностей, чинов, наук, искусств, по воинской службе, по инстинкту самой природы и даже по злодеяниям... Но большинство из этих дружб имеет конец или временные разрывы, и редкая из них длится всю жизнь. «Ибо часто прерывает и разделяет их расстояние мест, забвение от времени и другие причины. Ибо как они обыкновенно приобретаются разными союзами или корысти, или похоти, или сокровности и разных потребностей, так и расстраиваются по случаю встретившегося какого-либо раздора» (448–449).

Среди этого множества есть, однако, единственная дружба, которая не имеет конца: не пресекается ни расстоянием, ни временем, ни другими обстоятельствами, ни самой смертью. Это та дружба, которая обусловлена «одинаковым совершенством и добродетелью друзей». Скрепленный этим условием союз вечен. Если же бывает так, что наступает охлаждение между сторонами, «которые хотя из горячей любви ко Христу были связаны дружеством», то объясняется это тем, что равного усердия сторон не было. «Хотя оно одним великодушно и неутомимо поддерживалось, однако ж малодушием другого необходимо прерывалось» (449).

«Если и вы, — обращается блаженный Иосиф к преподобному Кассиану и иноку Герману, — желаете сохранить (дружество) ненарушимо, то вам надобно стараться...», и дальше указывается, в чем должно проявляться это старание и на чем основываться (450). Отмечается шесть оснований «истинного дружества». Первое основание лежит в отказе от земного богатства и всякого «вещизма». Ступивший на это основание восстанавливает то единство, какое свойственно было первохристианской общине. *У множества уверовавших было одно сердце и одна душа, и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее* (Деян. 4,32) (451–452).

Второе основание усматривается в ограждении и даже отсечении своей воли во имя последования мнению ближнего. Взошедший на сию ступень подражает Спасителю, своему Господу и Владыке, Который от лица воспринятого им человека говорит: *Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца* (Ин. 6, 38) (451–452). «Законом предписывалось, чтобы никто из нас не доверял больше своему суждению, нежели братнему, если не хотел никогда быть поруганным диавольской хитростью» (454).

Основание третье заключается в знании и крепком памятовании того, что должно предпочитать всему —

даже полезному и необходимому — мир и любовь. Стоящий на этой твердыне не опечалит чем-либо брата, зная драгоценность блага мира и помня слова Господа: *По тому узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35) (451–452).

Четвертое — видится в том, что гнев не допустим по всем причинам — справедливым и несправедливым. Укрепившийся на сем основании руководствуется рассудительностью и все движения гнева умиряет, по слову Соломона: *Глупый весь гнев свой изливает, а мудрый сдерживает его* (Притч. 29, 11). Он контролирует не только свои дела, слова, но и расположение духа, ибо знает, что Богом вменяется в вину и желание и намерение. Свойство же гнева таково: «Сдерживаемый, он ослабевает и утихает, а обнаруживаемый — более и более разгорается» (451, 465, 462, 459, 466).

Пятое основание состоит в уврачевании гнева брата на созидающего дружество. Утвержденный на сем знает, что гибелен не только гнев на брата, но в равной мере и гнев брата на него. «По какой причине допустит оставаться в себе или в другом скорби тот, кто вполне убежден, что не может быть справедливых причин гибельной гневливости непозволенной, и как может молиться, когда брат сердится на него, все равно как если бы сам он сердился на брата своего, всегда держа в смиренном сердце изречение Господа Спасителя: *Если принесешь дар твой к жертвеннику, и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, и прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой* (Мф. 5, 23–24). Никакой пользы не будет, если ты хоть уверяешь, что не гневаешься, и думаешь, что исполняешь эту заповедь: *Солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26), и: *Кто гневается на брата своего напрасно, тот подлежит суду* (Мф. 5, 22), а скорбь другого, которую мог бы укротить своею кротостью, по упорству сердца пренебрегаешь» (451, 452, 457–458).

Последнее — шестое — основание находится в памятовании смертного часа, в неизвестности переселения из этого мира. Оно надежно служит не только для сохранения ненарушимого дружества, но и для истребления всех пороков и приобретения добродетелей. «Как может и самую малую скорбь иметь на брата тот, кто верит, что он в каждый день во всякое время может переселиться из этого мира?» (451, 453).

Под всеми же основаниями дружества и над ними лежит и возвышается исполнение воли Божией. Если каждый исполняет не свою волю, а единую волю Божию, то не только прекращаются все несогласия и раздоры, но вырываются с корнем и причины их, а в братстве гос-

подствует любовь, которая по своему существу и есть единство воли (450).

Важно, что преподобный Кассиан, когда говорит о любви, то указывает и разные ее степени. Есть любовь, которая оказывается всем людям, в том числе и врагам (Мф. 5, 44; Гал. 6, 10). А есть «сердечное расположение», оказываемое лишь связанным одинаковостью нравов, общностью добродетелей, хотя само «расположение» многогранно: иначе любят родителей, иначе детей, братьев, сестер, супруги друг друга... «Это есть истинно упорядоченная любовь, которая, не имея ненависти ни к кому, некоторых больше любит по праву заслуг и которая хотя любит вообще всех, однако ж отличает тех, которых должно любить с особенным расположением; опять и между теми, которые пользуются высшею, особенною любовью, она отличает некоторых, которые пользуются еще большим расположением пред прочими» (456–457).

Все указанные основания дружества приводят к одному выводу: «У Бога сходство нравов, а не соединенное местожительство соединяет братий; и никогда не может ненарушимо сохраняться мир там, где бывает разность воли» (450).

Став на эти основания, христианин непременно воздвигнет крепкое здание истинной — вечной — дружбы.

7. БЛАГОДАТЬ БОЖИЯ ПО ВОЗЗРЕНИЮ ПРЕПОДОБНОГО ИОАННА КАССИАНА РИМЛЯНИНА

Благодать Божия всегда направляет волю нашу в добрую сторону и способствует во всем так, что иногда и от нас требует или ожидает некоторых усилий

Преподобный Кассиан. — 413

К о времени преподобного Кассиана сложилось два противоположных взгляда на действия благодати Божией и активность человека в деле его обращения к вере и спасению: блаженного Августина, епископа Иппонского, и Пелагия (ересь пелагиан). Блаженный Августин учил, что человек в естественном — падшем — состоянии будто бы вовсе не может совершить чего-либо сообразного с Божией волей и за него все делает одна благодать. Пелагианство же отрицало благодать как Божественную силу и все усваивало свободному произволению человека. Преподобный Кассиан смягчает резкость взгляда блаженного Августина и избегает заблуждений пелагиан. По существу, он мыслит правильно о взаимоотношении благодати и свободы, хотя и говорит больше

о значении действия благодати Божией. Но и в этом случае у него никогда благодать Божия не противопоставляется свободе.

К теме о благодати Божией преподобный Кассиан возвращается неоднократно, но, по преимуществу, излагает учение о сем в тринадцатом «Собеседовании» — «О покровительстве Божиим (или о том, как благодать Божия содействует совершению добрых дел)».

Исходя из апостольских слов: *Даяй семя сеющему, и хлеб в снедь да подаст, и умножит семя ваше, да возрастит жита правды вашея* (2 Кор. 9, 10), преподобный Кассиан учит, что Бог «и начинает в нас добродетель, и совершает ее» (403). Промысл Божий «непрестанно предваряет нас» (407). Сама чистота целомудрия, столь важная в духовной жизни, «подаётся по милости благодати Божией» (385). Благодать служит «первой причиной» дарования исцелений для изгнания бесов» (440, 439). Она же и сопутствует при всяком добром деле. «Усилия трудящегося, без помощи Божией, ничего не могут совершить» (402). Сам собою человек может желать добродетели, но чтобы эти желания осуществить, нуждается в Божией помощи, подобно тому, как и больному для выздоровления недостаточно одного желания (408). (См. также: 216–222).

Но при действии благодати Божией требуется приложение усилий и со стороны человека. «Нельзя думать, чтобы Бог не дал человеку желания и возможности делать добро, ибо иначе не дал бы ему свободного произволения, если бы он мог желать и делать только зло» (410–411). Благодать непрестанно влечет нас к добру, а мы должны со смирением ей покоряться, «чтобы, противясь ей, не услышать того же, что сказано было иудеям чрез Иеремию: *Разве, упав, не встанут и, совратившись с дороги, не возвращаются?* (Иер. 8, 4). *Почто отворотился народ сей в Иерусалиме отвращением упрямым? Они ожесточили выи свои, не хотят обратиться* (ст. 5)» (403). Промысл Божий не только предваряет нас, но и «сопутствует нам» (407), а чтобы кто-то нам сопутствовал — надо самим идти. Чистота целомудрия — от милости Божией, но стяжающему ее вменяется в обязанность строгость воздержания: голод, жажда, бдение, постоянный труд, неослабное усердие в чтении. «Всякий пусть знает, что он должен неумоимо упражняться в этих подвигах», хотя бы для того, «чтобы ради скорби их, приклонив милосердие Божие, удостоиться, по Божественному дару, освобождения от брани и господства преобладающих страстей» (385). Благодать исцелений даруется «избранным и праведным мужам за их святость» (440). Ленивым земледельцам, не ста-

рающимся «обрабатывать сохою свою землю, Бог не дает обильного плода» (402)... И искушения, полезные для добродетели, посылаются Богом в той мере, в какой может «вынести добродетель искушаемого» (414). Господь, «покровительствуя тем, коих веру хочет искусить, оставляет место и собственным их силам и воле (для заслуги), и искушает только тех, кои могут вступить в борьбу с искусителем» (415). Из примера сотника, о котором повествует святой апостол Матфей в восьмой главе своего Евангелия, видно, что и сама великая вера восхваляется Господом как заслуга человека. «Если бы сотник имел такую веру не от себя, то Христос напрасно хвалил бы то, что Сам дал, и Он сказал бы: «Я не дал такой веры и Израилю» (414–415) (В Святом Евангелии сказано: *И в Израиле не нашел Я такой веры.* — Мф. 8, 10). «Мы, — утверждает преподобный Кассиан, — должны с неослабным старанием и ревностью устремляться к подвигам добродетели и непрестанно упражняться в оных, дабы по недостатку преспеяния тотчас не последовало оскудение. Ибо в одном и том же состоянии ум не может пребывать, т.е. чтобы не получал приращения в совершенстве добродетелей, или не терпел ущерба в оном. Ибо не приобрести значит утратить: поелику оставляющий желание преуспевать в совершенстве не далек от опасности потерять оное» (277). «Изменению подлежат» даже высшие силы — небесные. Это явствует уже из того, что растлевшие свою волю отпали от их числа. «Ибо иное значит иметь неизменяемую природу, и иное — приобрести качество неизменяемости собственным старанием и силою добродетели, при содействии благодати неизменяемого Бога» (278). (Ср.: 287).

Таким образом необходим неослабный подвиг. Однако, здесь может случиться и опасность — переоценка своих трудов, завышенное мнение о них. «Человек не должен мечтать, что будто его труды привлекают благодать Божию, и что будто потому Бог благословляет его обилием плодов, что он трудится. Чтобы истребить в себе эту гордость, пусть он представит себе, что если бы Бог не укреплял его, то он не мог бы и трудиться, и что если бы милосердие Божие не спешествовало его действиям, то и желание, и силы его остались бы без действия» (402–403). Подобаает помнить, что «благодать Божия всегда дается даром, потому что за малые наши усилия воздает нам бессмертием и нескончаемым блаженством с неоценимою щедростью» (413). Как бы «ни были велики труды человеческие, все они не могут быть равны будущей на-

граде и не могут сделать благодать не туне даемою» (414).

Итак, в деле нашего спасения «участвует и благодать Божия и свободное произволение наше» (408). «Решительно утверждаю мнением не моим, — заявляет преподобный Кассиан, — а старцев, что вовсе невозможно достигнуть евангельского совершенства без усилий и трудов; также и этими одними трудами никто не может достигнуть совершенства без благодати Божией. Ибо как мы говорим, что человеческие усилия сами по себе не могут достигнуть совершенства без помощи Божией, так утверждаем, что только трудящимся и старающимся оказывается милосердие и благодать Божия» (150). Творец мира возбуждает в человеке желание добра, но «человек по свободному произволению может стремиться и к противоположному». Господь помогает в совершении добродетелей и в утверждении в них, но при этом не исключается и не стесняется свобода (419). Действующая благодать Божия как некая внутренняя спасительная сила исполняет человека духовным благоуханием, «превышающим всякую приятность мастей, составляемых человеческим искусством» (226), подает ему случаи ко спасению и устрояет благоприятные обстоятельства. Дело же человека «с большим или меньшим жаром или равнодушием принимать благодеяния Божии» (221). (См. также: 215–217, 223). Впрочем, ум человеческий не может в совершенстве постигнуть то, как всеблагая воля Божия проявляет нам постоянное покровительство и «как это спасение принадлежит и нашему произволению» (407–408).

Свои рассуждения о Божием покровительстве преподобный Иоанн Кассиан Римлянин завершает предостережением и одновременно советом: «Если же хитрословесным мудрованием выведено умозаключение, противоречащее такому понятию, то его более надобно избегать, нежели обнаруживать на разорение веры» (420).

* * *

Обозрение жития, творений и богословия преподобного Иоанна Кассиана Римлянина позволяет заключить, что как сама жизнь Преподобного была исполнена подвига, так и его наставления имеют, по преимуществу, аскетический характер.

Жизнь каждого подвижника складывается из двух периодов: периода борьбы и периода светлого состояния. Первый состоит в непрерывном трудничестве,

второй, как переживание результатов первого и продолжение его, заключается в мире, радости, любви, свойства которой описывает святой апостол Павел (1 Кор. 13, 4–8) «и которая состоит в одной чистоте сердца» (170).

Глубины духовной жизни неисчерпаемы, и потому подвиг во имя спасения многогранен — не для всех одинаков. Одному хорошо отшельничество, а для другого «оно не только бесплодно, но и губительно». Третьему киновия — святое избрание, а иному и ее нельзя рекомендовать. Что одному может быть трудно и даже невозможно, то другому «приобретенная привычка обратила в природу». Поэтому «каждому из нас, — советует преподобный Кассиан, — надобно наперед тщательно узнавать меру своих сил, и по этой мере браться за науку, какая нравится, ибо хотя все науки полезны, однако ж не могут быть все удобны для всех» (612).

Главное внимание, старание, труд должны быть направлены к тому, «чтобы дух всегда прилеплялся к Божественным предметам и к Богу». Все прочее подобает считать второстепенным, низшим. Лучшим образом представляется это на примере Марфы и Марии (Лк. 10). «Марфа хотя и святым делом занималась, так как служивала самому Господу и Его ученикам, а Мария, внимая только духовному учению, сидела при ногах Иисуса, целуя их, мазала маслом доброго исповедания; однако ж Господь предпочитает последнюю первой, потому что она избрала лучшую долю, и притом такую, которая никогда не может быть отнята у нее» (177).

ИСТОЧНИКИ, ЛИТЕРАТУРА

Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания / Пер. с лат. Репр. изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. — 654 с.

Избранные места из писаний св. Иоанна Кассиана Римлянина. СПб., 1908. — 58 с.

Феодор (Поздеевский), иером. Аскетические воззрения преподобного Иоанна Кассиана Римлянина (пресвитера Массилийского). Казань, 1902. — 338 с.

Феодор (Поздеевский), архим. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин: его жизнь и богословско-аскетические воззрения. Казань, 1908. — 14 с.

Светлаев М. Преподобный Иоанн Кассиан, его жизнь и аскетические творения и значение его в истории западного монашества. БВ, 1894, апрель. С. 164–167.